

П. О. Каптерев

**Пироговъ как общественный
деятель и педагог**

Спб., Типография М. М. Стасюлевича. 1897

Пироговъ, какъ общественный дѣятель и педагогъ ¹⁾.

П. О. Каптерева.

[Своихъ избранниковъ, людей выдающихся, природа, кромѣ большихъ способностей къ извѣстному частному виду труда, надѣляетъ еще однимъ драгоценнымъ свойствомъ—чуткою отзывчивостью на самыя разнообразныя явленія современности, даромъ будить общественное самосознаніе, вскрывая предъ современниками застарѣлые, въ плоть и кровь вошедшіе, недостатки и указывая имъ пути къ обновленію жизни. Такимъ избранникомъ былъ Николай Ивановичъ Пироговъ.]

Великій хирургъ, въ полномъ смыслѣ слова мастеръ своего спеціального дѣла, онъ болѣлъ страданіями современной ему Россіи, онъ вложилъ персты свои не только въ тѣлесныя раны соплеменниковъ, но глубоко проникъ и въ ихъ духовныя немощи. На двухъ театрахъ военныхъ дѣйствій—на Кавказѣ и въ Крыму — предъ нимъ вскрылись тѣлесныя и духовныя страданія русскаго человѣка, русскаго общества и государства. Война

обнаруживаетъ скрытыя язвы, тайныя болѣе или менѣе народныя пороки дѣлаетъ явными. Простая коммерческая недобросовѣстность мирнаго времени во время войны превращается въ громадное хищеніе, граничащее съ государственнымъ преступленіемъ; слабость народной культуры сказывается на войнѣ отсталостію по сравненію съ врагами во всѣхъ отношеніяхъ, и вслѣдствіе этого невозможностію успѣшно отразить вражескій натискъ. Войны, особенно севастопольская, обнаружили предъ Пироговымъ органическіе общественные и государственныя пороки тогдашней Россіи. Обыкновенный врачъ на мѣстѣ Пирогова погоревалъ бы при видѣ этихъ немощей, помучился, сдѣлалъ, что предписывали ему его прямыя врачебныя обязанности, и успокоился бы: что могъ сдѣлать—сдѣлалъ, а чего нельзя, того нельзя. Пироговъ такими соображеніями не утѣшился. Онъ былъ слишкомъ чутокъ къ общественному горю и бѣдствію, чтобы успокоить себя обыкновенными утѣшеніями средняго человѣка, онъ былъ слишкомъ уменъ и глубоко проникновенъ, чтобы не задаться вопросами о причинахъ зла и о средствахъ къ его устраненію. Для него было очевидно, что русское общество должно обновиться, должно возродиться, если желаетъ жить истинно культурною жизнью, что весь укладъ современной русской дѣйствительности страдаетъ существенными недостатками. Пироговъ отчетливо видѣлъ крайнюю слабость гражданскаго чувства и критической общественной мысли въ русскомъ человѣкѣ и энергично началъ работать для пробужденія и развитія общественнаго русскаго самосознанія.

Склонный къ философскому самоуглубленію и синтезу, самъ философъ въ душѣ, Пироговъ такой же философскій путь указывалъ и для возрожденія русскаго общества. Онъ рекомендовалъ не борьбу съ какими-либо внѣшними учрежденіями, а борьбу съ самимъ собою, съ своею двойственностію, съ противорѣчивостію внѣш-

ного и внутреннего человека, высоких мыслей и благих желаний съ низменною дѣятельностью. Существенный недостатокъ русскаго общества — отсутствіе филозофскаго пониманія и осмысленія жизни. Общество разбилось на маленькіе кружки, преслѣдующіе весьма узкія цѣли, главнымъ образомъ матеріальнаго свойства. Надъ серьезными вопросами о цѣли жизни и нашемъ назначеніи, о томъ, къ чему нужно стремиться въ жизни, чего искать, почти никто не задумывается. Громадное большинство общества легкомысленно гонится за блуждающими матеріальными и внѣшними радостями и утѣхами жизни. А между тѣмъ обществу нужно прежде всего перевоспитаться, познать свою духовную несостоятельность, разрѣшить вопросы жизни, чтобы жить истинно по человѣчески. Познай самого себя, говорилъ Пироговъ современному обществу, разберись безпристрастно въ своей душѣ, произведи судъ надъ самимъ собой, и ты выйдешь на надлежащую дорогу въ дѣлѣ своего обновленія и возрожденія. Безъ познанія самого себя, безъ внутреннего анализа себя, ни одинъ человѣкъ не можетъ сдѣлаться настоящимъ человѣкомъ.)

Но особенно много разсчитывать на возрожденіе стараго поколѣнія въ обществѣ, которое назвалось дѣйтелемъ на исторической сценѣ, въ рукахъ котораго были власть и сила, не имѣлось твердыхъ основаній. Оно слишкомъ закоренѣло въ своихъ взглядахъ и въ своей массѣ было мало способно къ процессу самонализа и суда надъ самимъ собою. Вино новое не слѣдуетъ лить въ мѣхи старые. Нужно было искать спасенія въ новыхъ поколѣніяхъ, только готовящихся къ дѣятельности, еще не испорченныхъ, свѣжихъ, воспримчивыхъ, и путемъ разумнаго ихъ воспитанія подготовить дѣло обновленія и возрожденія Россіи. „Истиннаго прогресса“, говорилъ Пироговъ, „мы можемъ достигнуть однимъ единственнымъ путемъ — воспитаніемъ.“)

Такимъ возрождающимъ общество воспитаніемъ, имѣю-

щимъ внести въ русскій народъ начала новой жизни, можетъ быть только воспитаніе вполне гуманное, истинно общечеловѣческое, чуждое сословности и узкой національной исключительности, устраняющее слишкомъ раннюю спеціализацію и профессиональность¹⁾. Въ пятидесятыхъ годахъ, когда Пироговъ выступилъ съ своими педагогическими идеалами, плохо понимали необходимость общечеловѣческаго, гуманнаго воспитанія и даже самую его возможность. „Къ чему вы готовите нашего сына?“ спросилъ кто-то Пирогова. „Быть человѣкомъ“, отбѣчалъ Пироговъ. — „Развѣ вы не знаете“, сказалъ спросившій, „что людей собственно нѣтъ на свѣтѣ, что это одно отвлеченіе, вовсе ненужное для нашего общества: намъ необходимы негоціанты, солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а не люди“. Пироговъ же видѣлъ настоящую потребность именно въ людяхъ, ихъ онъ старался воспитать, а не разныхъ спеціалистовъ. Жизнь такъ разнообразна и измѣнчива, что непрерывно требуетъ полноты и всесторонняго развитія человѣческихъ способностей. Все прикладное уживается и переходитъ въ плоть и кровь только при единственномъ и непрерывномъ условіи — всесторонняго развитія. Если прикладное образованіе, взятое отдѣльно отъ общаго, само по себѣ, еще и считается необходимымъ въ нашемъ отечествѣ, то предъ истиннымъ идеаломъ воспитанія оно оказывается только временнымъ недостаткомъ. Оно доказываетъ лишь слабость нашихъ силъ, слабость нашей воли, слабость любви къ человѣчеству и къ истинѣ. Только тогда мы можемъ быть спокойны

¹⁾ „Съ тѣхъ поръ, говоритъ Пироговъ, какъ я выступилъ на поприще гражданственности путемъ науки, нѣтъ ничего противнаго были сословныя предубѣжденія и я незлобно перенесъ этотъ взглядъ и на развитіе національнаго. Какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни, какъ между товарищами, такъ и между женою подчиненными и начальниками, я никогда не думалъ дѣлать различія въ духѣ сословной и національной исключительности“.

за успѣхъ въ будущемъ, только тогда можемъ ожидать истиннаго прогресса въ нашемъ обществѣ, когда приложеніе знаній будетъ протекать само собою, безъ всякой искусственной и насильственной моделировки незрѣлыхъ умовъ и понятій. Человѣческому духу, всецѣло и всесторонне развитому, присуща наклонность употреблѣть и примѣнять прибрѣтенное безъ всякой насильственной подготовки. Просвѣщенному уму не нужны рамы, наложенныя по мѣрѣ. Поэтому общество и отцы, воспитывающіе дѣтей въ видахъ достиженія прикладныхъ цѣлей, не могутъ быть оправданы, если они начинаютъ направлять воспитаніе къ прикладнымъ цѣлямъ съ колыбели дѣтей. Различныя опасенія, высказываемыя относительно невозможности дать образованію всѣхъ слоевъ общества общечеловѣческое значеніе, въ родѣ недостатка матеріальныхъ средствъ, сословныхъ предразсудковъ, потребности общества въ ограниченной прикладной дѣятельности большинства людей, опасности выводить цѣлые классы общества путемъ образованія изъ ихъ сферы занятій, привычекъ и т. п., — не убѣдительно и не представляютъ неодолимыя преграды къ распространенію общечеловѣческаго образованія. При надлежащей его постановкѣ нечего бояться и того, что оно можетъ сдѣлать умъ поверхностнымъ. Правильно развитыя способности заставляютъ умъ углубляться и останавливаться на томъ, что требуетъ его сосредоточенныхъ дѣйствій. Тотъ грубо ошибается, кто думаетъ, что только дѣйствія духа въ одномъ направленіи ведутъ къ глубокимъ познаніямъ предмета и порождаютъ глубокомысліе. Безъ правильного развитія всѣхъ способностей души и способность ума сосредоточиваться можетъ быть прокленнымъ даромъ Бога, но уже никакъ не плодомъ воспитанія. Если духъ, направляемый безъ подготовки на изученіе одного предмета, и можетъ прибрѣсти обширныя свѣдѣнія, то все же ему и въ этомъ одностороннемъ изученіи никогда не будутъ доступны

тъ взгляды на изучаемый предметъ, которые возможны только при умѣннй отдаляться въ другія высшія или низшія сферы созерцанія. Это умѣнне пріобрѣтается не иначе, какъ знакомствомъ съ различными отраслями свѣдѣній, служащихъ къ развитію всѣхъ силъ духа.

Въ гуманномъ общечеловѣческомъ образованіи самая главная роль принадлежитъ наукѣ, знанію. Для многихъ и теперь еще вопросъ: есть ли логическая и фактическая связь между умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ человѣка? Успѣхи культуры, наукъ и искусствъ содѣйствуютъ ли улучшенію нравовъ человѣчества? Для Пирогова въ этомъ отношеніи не было никакихъ сомнѣній, онъ былъ защитникомъ всемогущества науки, глубокаго и всесторонняго вліянія знанія на всю природу человѣка. Наука составляетъ основу всего воспитанія, между прочимъ и нравственнаго, въ наукѣ кроется такой дѣятельный нравственно-воспитательный элементъ, который никогда не пропадетъ, каковы бы ни были ея представители. Лишь бы наставники сумѣли донести научную истину до пониманія учащагося: она не останется безъ дѣйствія, потому что во всякой истинѣ, и отвлеченной, и чувственной есть своя доля образовательно-воспитательной силы. Наука беретъ свое и, дѣйствуя на умъ, дѣйствуетъ и на нравы. Поэтому систематическая передача знанія есть первая и главнѣйшая обязанность преподавателя; поэтому наставники, преподаватели науки, должны быть вмѣстѣ и воспитателями; поэтому школа, мѣсто сообщенія научнаго знанія, должна давать тонъ жизни, ею руководить, ее направлять. Все будущее жизни находится въ рукахъ школы. Школа, будучи дочерью общества, должна быть и его матерью, руководить взглядами и убѣжденіями будущихъ поколѣній. Общество, особенно общество незрѣлое, увлекается такимъ взглядомъ на школу, который представляетъ ее чѣмъ-то въ родѣ лѣсной модели для приготоавленія людей именно такихъ, какихъ нужно обществу для его

обиденныхъ дѣлей. Общество является потребителемъ, а школа фабрикою, приготовляющею товаръ для потребленія. Запросъ есть; стоитъ удовлетворить ему и обѣ стороны будутъ довольны. Но школа не можетъ имѣть въ виду только одно ближайшее настоящее, вопіющія современныя нужды; школа должна служить прогрессу имѣть въ виду будущее. Если же школа была и признала жизнь такою, какова она есть, и на этомъ остановилась, то тогда школа повала бы въ рабскую зависимость отъ настоящаго и признала бы безусловное первенство надъ собою жизни. И отны, и общество, и государство должны стремиться возстановить смыслъ и права школы, проистекающіе изъ самой жизни. Должно возстановить прямое назначеніе школы — быть руководителемъ жизни на пути къ будущему*.

Таковы были общественно-педагогическіе идеалы Пирогова. Къ нимъ нужно прибавить еще одну характерную для склада личности Пирогова черту, именно его любовь къ дѣтству, соединенную съ стремленіемъ познать его особенности, его природу, и уваженіе къ внѣшнему, соединенное съ полнымъ довѣріемъ къ нему. „Что можетъ быть поучительнѣе“, говоритъ Пироговъ, — „что выше, что смѣле духовнаго обниженія съ этимъ Божиимъ чуднымъ дѣтскимъ міромъ? Кому не занимательно слѣдить за всѣми его обнаруженіями, за всѣми проявленіями во времени и пространствѣ? Кому нечеловѣку самому помолодѣть душой? О, если бы всѣ родители и педагоги по призванію вошли въ этотъ таинственный храмъ еще дѣтственной души человѣка? Сколько новаго и неразгаданнаго еще узнали бы они! Какъ обновились бы, какъ поумнѣли бы сами!“

Прощаясь со студентами университета св. Владиміра, Пироговъ сказалъ, что онъ, старѣясь, не утратилъ способности понимать чужую молодость, любить и, главное, уважать ее, „Мы всѣ знаемъ, что нужно почитать стариковъ, — но не всѣ знаютъ, что и молодость должно

уважать*. Кто не забылъ своей молодости и изучал чужую, тот не мог не различать въ ея увлеченіяхъ стремленій высокихъ и благородныхъ, не могъ не открыть въ ея порывахъ жизни той грозной борьбы, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству. „Былъ попечителемъ университета, я“, сообщаетъ Пироговъ, „поставилъ себѣ главною задачею поддерживать всѣми силами то, что я именно признаю любить и уважать въ молодости... И теперь, расставаясь съ нами, я облизываю глазо, что за все время моего попечительства я ни разу не раскаялся въ образѣ моихъ дѣйствій“. Пироговъ хорошо понималъ, что многіе не раздѣляютъ его взглядовъ на юность, будутъ обвинять его въ слабости, въ погонѣ за популярностью, но все это не могло измѣнить его глубокихъ убѣжденій, основанныхъ на любви и уваженіи къ молодости, на довѣрїи къ ея благородству мыслей и стремленію къ правдѣ. „Не вѣрить въ это я не могъ“, прибавляетъ Пироговъ, — „потому что не могъ ни сдѣлаться, ни казаться по-иному. Это значило бы для меня перестать жить“.

Человѣкъ, проникнутый такими взглядами на дѣтство и молодость, съ такими общественно-педагогическими идеалами, былъ назначенъ во второй половинѣ пятидесятихъ годовъ попечителемъ сначала одесскаго, а потомъ кievскаго учебнаго округовъ. Едва ли нужно говорить о томъ, что Пироговъ необходимо долженъ былъ явиться на своемъ посту реформаторомъ. Существовавшая педагогическая практика и пироговскіе идеалы отстояли другъ отъ друга слишкомъ далеко, чтобы практика не потеряла значительныхъ переживаній, хотя бы при частичномъ осуществленіи идеаловъ. Въ своей практической дѣятельности Пироговъ старался поднять и облагородить учащихся и учащихся дать въ школахъ больше мѣста наукѣ и знанію, широко распространить просвѣщеніе во всѣхъ его видахъ. Заставъ

очень частое примѣненіе розги, Пироговъ весьма значительно ограничилъ приложение этой дисциплинарной мѣры, но не отиѣнилъ ее совсѣмъ, такъ какъ большинство тогдашнихъ педагоговъ не считало возможнымъ обходиться безъ розги. Всѣцѣлое изгнаніе ея осталось бы только на бумагѣ, а Пироговъ исповѣдывалъ ту истину, что „зсуе и заковы писать, ежели ихъ не исполнять“. Для пробужденія охоты къ литературнымъ и критическимъ занятіямъ, для доставленія учащимся благородныхъ развлеченій и гарантія ихъ самостоятельности, Пироговъ заботился объ учрежденіи литературныхъ вечеровъ для учениковъ старшихъ классовъ гимназій. На этихъ вечерахъ сами учащіеся, подъ руководствомъ преподавателей, являлись главными дѣятелями. Чтобы направить учащихся на путь самовоспитанія, обсужденія и оцѣнки своихъ поступковъ, Пироговъ организовалъ въ гимназіяхъ суды изъ товарищей. Въ то же время онъ старался признавать и поддерживать самостоятельность преподавателей, а равно поднять значеніе педагогическихъ совѣтовъ, сдѣлать засѣданія ихъ серьезными и плодотворными, часто передавалъ на ихъ обсужденіе разные вопросы изъ текущей педагогической практики. Пироговъ былъ внимателенъ къ школамъ всѣхъ ранговъ и наименованій: заботился о распространеніи элементарнаго образованія. По его почину были открыты въ Кіевѣ першія въ Россіи, имѣвшія большой успѣхъ, воскресныя школы; онъ часто и совершенно запросто посѣщалъ гимназіи и просиживалъ цѣлые уроки въ классахъ; онъ много положилъ заботъ на одесскій лицей и кіевскій университетъ. Университетскимъ вопросамъ Пироговъ интересовался всегда и очень серьезно. По его мнѣнію, при разрѣшеніи этого вопроса, задача состоитъ не въ томъ, чтобы составить одинъ „общій уставъ русскіхъ университетовъ“, а найти на дѣлѣ особенности каждаго, которыя обличали бы жизнь университета съ жизнью края. Каждый изъ на

шихъ университетовъ пусть развиваетъ свою дѣятельность на просторѣ и на свободѣ. Чѣмъ свободнѣе, чѣмъ менѣе будетъ регламентирована дѣятельность университетовъ, тѣмъ яснѣе выразится характеръ каждаго и тѣмъ болѣе каждый университетъ будетъ соотносѣваться потребностямъ общества. Исходя изъ этого начала, Пироговъ защищалъ гласность въ университетскихъ дѣлахъ, съѣздамъ профессоровъ, самъ университета съ академіей наукъ, автономію университетовъ при раціональномъ контролѣ и пр.

Такимъ былъ Пироговъ въ своей повечительской дѣятельности. Онъ самъ приравнивалъ повечительскую дѣятельность къ миссіонерской и хотѣлъ дѣйствовать не силой власти, а силой знанія и нравственнаго авторитета. Его циркуляры по округу были не обычными канцелярскими бумагами, а краткими педагогическими трактатами, написанными на разныхъ педагогическихъ темахъ, задававшихся педагогическою практикою.

Мн. гг.! Общественно-педагогическіе идеалы Пирогова, его практическую общественно-педагогическую дѣятельность можно обсуждать и расцѣпывать, какъ и все въ мірѣ, съ различныхъ точекъ зрѣнія. Сообразно съ точкой зрѣнія, его дѣятельность представится или болѣе или менѣе важной. Но одно несомнѣнно: до тѣхъ поръ, пока въ Россіи будутъ высоко ставить живое гражданское чувство и глубокое общественное сознаніе; пока наиболѣе высокой цѣной будутъ цѣнить не узкихъ специалистовъ, помимо своей специальности ничего не хотащихъ знать и ничѣмъ не интересующихся, а разносторонніе и глубокіе умы, враки содѣйствующіе пробужденію и развитію общественнаго самосознанія; пока драгоцѣннѣйшимъ украшеніемъ человѣческой природы будутъ считаться страстное стремленіе къ истинѣ, соединенное съ твердой вѣрой въ воспитательно-образовательную силу знанія, и любовь къ людямъ—къ больнымъ, къ дѣтямъ, къ юношеству, довѣ-

рѣ къ благородству его порывовъ, — до тѣхъ поръ въ первомъ ряду славныхъ русскихъ дѣателей съ полнымъ правомъ будетъ стоять высокочтимое имя Николая Ивановича Пирогова!

Допущено цензурою. Сиб. 22 декабря 1897 г.

Тиз. М. М. Стасовича, Сиб., Вас. Остр. 5 л., 28.